Aleksey Osipovich Ivanovskiy (1863–1903), Russian orientalist, studied Chinese and Manchu philology at the St.Petersburg University (graduated in 1885), travelled in China in 1889–1891. Well-versed also in Mongolian, Tibetan and Buddhist studies, he taught at the St.Petersburg University from 1891, published papers and books, among them materials for the history of minorities of South-Western China (1887–1889), a Manchu reader (*Man'čžurskaja chrestomatija* 1–2, 1893–1895), a study on Spatharius' mission (*Zapiski Vost. Otd. Russk. Archeol. Obšč.*, vol. 2, 1888), Chinese songs of Northern Manchuria (*ZVORAO*, vol. 8, 1895) and the *Mandjurica*, the first and only issue of a planned series (1894).

As its sub-title shows, it presents materials for the study of two small but interesting Altaic languages spoken in Northern Manchuria and some other parts of China. Both Solon and Dagur (Dahur or Daur) represent isolated idioms of their group. The first which belongs to the Tungus branch of the Manchu-Tungus group is now the southernmost Tungus dialect. Dagur, a Mongol island in the Sino-Manchu world, conserves some archaic pecularities and peculiar innovations, important for the Mongolian as well as Altaic language history. In some degree Dagur may also be considered a surviving variety of the language of the Kitan.

Despite the great advance of Altaic studies in this century, materials concerning Solon and Dagur remain insufficient. Nicholas Poppe's important monographs (*Dagurskoe narečie*, Leningrad 1930, *Materialy po solonskomu jazyku*, Leningrad 1931) and his edition of a Hailar Dagur-Manchu glossary (*Asia Major* X, 1934) describe the Hailar dialect of these languages, of which Hailar Dagur is less archaic than the Nonni dialects (see also his *Introduction to Mongolian Comparative Studies*, Helsinki 1955, and his *Introduction to Altaic Linguistics*, Wiesbaden 1965). Samuel E.Martin's *Dagur Mongolian Grammar, Texts and Lexicon* (Bloomington 1961) is based on the speech of one informant, Peter Urgunge Onon, a Naun Dagur (from the same informant we have W.M. Austin's *Brief Outline* and Hattori Shirô's notes, see Martin, p.1). Louis Ligeti published only some data from his rich materials collected in the Nonni (Naun) Valley and in Hailar (see *e.g.* his *Rapport préliminaire*, Budapest–Leipzig 1933, *Les mots solons dans un ouvrage chinois des Ts'ing*, in *Acta Orient. Hung.* IX, 1959, *Les anciens éléments mongols dans le mandchou*, in *Acta Orient. Hung.* X, 1960 etc., *AOH* IX with further bibliographical data including Kamikami Raisaburô's *Soron zoku no shakai*, Tokyo 1940).

Some Dagur booklets were printed in China in an experimental and ephemeral Dagur Cyrillic orthography (1957); these booklets representing the archaic Qiqihar (Tsitsihar) dialect give further important instruction for the student of Dagur. Dagur is also discussed in B.Kh.Todaeva's works dealing with Mongol languages and dialects of China (*Mongol'skie jazyki i dialekty Kitaja*, Moskva 1960, etc.) and some Inner Mongolian papers (*e.g.* by Činggeltei in *Mongγol kele bičig*, 1957–1958).

Earlier records like those of Fedor V. Muromskiy who worked in the first decade of this century in the Ili Region of East Turkestan are also of great value. Most of his posthumous papers are now accessible in Stanisław Kałużyński's exemplary publications (*Rocznik Orientalistyczny* XXXII:2, XXXIII:1–2; *Die Sprache des mandschurischen Stammes Sibe aus der Gegend von Kuldscha*, Warszawa 1977).

„In the multi-national population of Northern Manchuria, undoubtedly the Solons and the Dahurs are the most interesting for ethnography and linguistics. Not long ago the Solons' name thundered wherever the troops of the proper (so-called Eight Bannered) army of the ruling Manchu dynasty of China entered, while the Dahur language is now so much accepted, that Chinese merchants, not learning, for its uselessness, the Manchu language, do not fail to speak Dahur, as the majority of the customers speak this language" – wrote Ivanovskiy in his introduction (p.I). He visited Mergen and Qiqihar in 1890 (from the end of August till the beginning of November) and had an earlier knowledge of Dagur in Donchifa, a village near Aigun. In his record he uses the Russian linguistic alphabet. His Solon materials are from 11 informants (S 1–5 of Butkha, S 6 from a Dagur opium-smoker, Nongibu, of Mergen, S 7 from a Manchu clerk in Mergen; S 1–7 = „Oronchon-Solon"; S 8–11 = „Manegir Solon"), Dagur words and sentences were recorded from 8 informants including Dagurs of Mergen (D 2 from Nongibu; D 3–4), of Donchifa (D 6–7 on the Russian side of the Amur near Aigun), from a village near Aigun (D 9), from Aigun itself (D 8) and from a Mongol-Chinese of Mukden who lived then in Mergen.

Ivanovskiy gives 25 Solon and 28 Dagur sentences as well as 6 Sino-Dagur proverbs and some Manchu-Dagur parallel text fragments in Manchu characters (pp. 1–15), a list of Solon words (pp. 15–35), a list of Dagur words (pp. 36–73), and an appendix which is a short glossary of words said to be Bargu-Mongolian (pp. 74–76). Pp. 77–79 bear corrections and additions.

G. Kara

ВВЕДЕНІЕ.

Среди разноплеменнаго населенія сѣверной Маньчжуріи несомнѣнно наибольшій интересъ, какъ этнографическій, такъ и лингвистическій представляютъ Солоны и Дахуры. Имя Солоновъ еще недавно гремѣло вездѣ, куда ни проникали отряды собственнаго (такъ называемаго восьмизнаменнаго) войска нынѣшней маньчжурской династіи въ Китаѣ, а дахурскій языкъ получилъ теперь въ Мэргэнѣ и Цицикарѣ такое право гражданства, что торговцы изъ китайцевъ, не изучающіе по безполезности маньчжурскаго языка, обязательно всѣ говорятъ по дахурски, такъ какъ главный контингентъ покупателей говоритъ на этомъ языкѣ.

Живутъ эти Дахуры, а также и Солоны[1]), можно сказать, по всей странѣ. Такъ, хотя главнымъ райономъ обитанія Дахуръ считаются бассейны рр. Нонь-и-ула и Нэмэръ, однако кромѣ того[2]) около Айгуна они живутъ въ девяти деревняхъ на нашемъ лѣвомъ берегу Амура (Сяо-Доньчифа, Бордо 薄爾多, Манга, Норъ-токсо и др.), также въ нѣкоторыхъ деревняхъ по правому, китайскому берегу выше Айгуна и ниже его (Харшань, Хормольцэинъ и др.); затѣмъ въ западномъ поселкѣ (Си-тунь 西屯) первой станціи (Тоу-чжань 頭站), въ деревняхъ Тормо-тунь и Кунъ-бира[3]). Далѣе, около Мэргэни (правда, уже въ бассейнѣ р. Нонь) они живутъ повсемѣстно (напр. въ деревняхъ Сы-цзя-цза 四家子, Эрлъ-ши-ли-тунь 二十里屯, Да-Ши-ла-цза 大石臘子, Сяо-Ши-ла-цза 小石臘子 и Боркэ), равно какъ и около Цицикара, гдѣ попадаются

1) Если понимать это слово (подобно китайцамъ) въ обширномъ, собирательномъ смыслѣ, какъ сказано ниже (на страницѣ 3-ьей).

2) Всѣ дальнѣйшія указанія основаны на данныхъ, добытыхъ мною во время путешествія по Маньчжуріи. Точно также я пишу вездѣ Дахуры, а не Дауры потому, что такъ произносится это слово вездѣ въ Маньчжуріи.

3) По пекински 昆 Гунь-бира, на рѣкѣ того же имени. Эта рѣка у всѣхъ, проѣзжавшихъ раньше меня, названа Ганъ, но это ошибочно: р. 甘 Ганъ-бира дальше, а на р. Кунъ-бира есть только деревня Ганъ-цза 崗子, близь Тоу-чжань.

ихъ деревни и на главномъ почтовомъ трактѣ (напр. Дэнъ-цзы-кэ 登子科, по дахурски Хотóн-Дындэкэ́, передъ станціей Тахаръ-чжань 塔哈爾站); нѣсколько ихъ семействъ живутъ и въ Хайларѣ. Солоны же, главнымъ образомъ, живутъ въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ двумъ главноуправляющимъ (цзунъ-гуань, ухэри-да): Хайларскому и Бутхаскому, гдѣ населеніе почти сплошь солонское, причемъ районъ власти послѣдняго (бутхаскаго) главноуправляющаго (какъ завѣдующаго всѣми Бутханами, т. е., ясачнымъ, охотничьимъ населеніемъ, какъ солонскимъ, такъ и дахурскимъ) очень обширенъ и, такъ сказать, отличается черезполосностью, входя въ районы Мэргэньскаго и Цицикарскаго фудутуновъ; поэтому подвластные ему Бутханы живутъ и по р. Нэмэръ и по тракту между Мэргэнемъ и Цицикаромъ (напр. въ деревняхъ Да-Кабха, Байлу-Кабха и др. около станціи Лаха-чжань). Затѣмъ по Хингану и При-Амурью бродятъ Ороньчоны, о которыхъ говорится ниже[1]).

Что же такое эти Дахуры 達呼爾。打虎兒 и Солоны, что они представляютъ изъ себя въ смыслѣ административно-политическихъ и этнографическихъ группъ? Прежде всего, конечно, обратимся къ китайскимъ свѣдѣніямъ. По послѣднимъ, Солоны и Дахуры и были тѣми обитателями, которыхъ нашла[2]) въ сѣверной Маньчжуріи нынѣшняя династія, когда, побуждаемая появленіемъ русскихъ на Амурѣ, задумала занять эту сѣверную Маньчжурію[3]). Относительно Солоновъ и Дахуръ китайскіе источники указываютъ[4]) еще, что они жили по Аргуни и Зеѣ, откуда ихъ китайское правительство вслѣдствіе грабежей русскихъ перевело въ 1639 году въ бассейнъ рѣки Нонь-и-цзина; однако, по оставленіи русскими Амура, часть ихъ опять вернулась туда[5]). Конечно, китайское правительство позаботилось о привлеченіи ихъ на свою службу. Благодаря постояннымъ заботамъ этого правительства, часть Солоновъ и Дахуръ болѣе или менѣе окитаилась, стала жить въ домахъ китайскаго образца, носить одежду знаменныхъ Маньчжуръ. Вотъ такіе Солоны и Дахуры, подобно поддавшимся въ первое время возникновенія нынѣшней Дайцинской династіи Китайцамъ и Монголамъ, были одинаково[6]) включены въ составъ военнообязаннаго сословія

---

1) Нѣкоторые изъ нихъ зимою живутъ и въ китайскихъ деревняхъ.

2) Прочіе: — Маньчжуры, Китайцы и Барху — переселились впослѣдствіи.

3) Или страну Солоновъ, какъ она нерѣдко называется въ китайскихъ сочиненіяхъ, напр. Хэй-лунъ-цзянъ-цзи-ши (Х. л. цз.-вай-цзи 外記)黑龍江紀事, цз. 3, л. 1.

4) Это подтверждается еще и свѣдѣніями первыхъ русскихъ на Амурѣ.

5) Дай-цинъ-и-тунъ-чжи, цз. 36, л. 1. Дахуры и теперь живутъ на лѣвомъ берегу Амура, о Солонахъ же (помимо Ороньчонъ) память сохранилась въ названіи нѣкоторыхъ деревень, напр. Тугдунъ (на лѣвомъ берегу, выше Айгуна) — солонская фамилія, представители которой живутъ и теперь въ вышеупомянутой деревнѣ Да-Кабха (Байлу-Кабха).

6) Отсюда, надо думать, возникло показаніе, что Солоновъ существуетъ двѣ группы, говорящія различными языками: Онкоръ-Солоны и Дахуръ (Дабуръ)-Солоны. Такого дѣленія мнѣ уже нигдѣ въ Маньчжуріи не приходилось слышать, только слово Онкоръ сохранилось въ формѣ Хонкору или Хонкор, какъ называютъ Солоновъ Дахуры. Вообще же, всѣ обитатели Маньчжуріи называютъ ихъ просто «Солонъ» (Со-лунь) и «Дахуръ» (отчего я вездѣ такъ ихъ и называю), прибавляя только иногда въ видѣ собирательнаго Бутха — «Бутха-Солонъ» и «Бутха-Дахуръ».

сподвижниковъ этой династіи, раздѣленнаго на одни и тѣ же 8 знаменъ (корпусовъ), но только различающагося по народностямъ, то есть, существуетъ 8 знаменъ маньчжурскихъ, 8 монгольскихъ и 8 китайскихъ (хань-цзюнь).

Точно также, и Солоны, и Дахуры, по образованіи изъ нихъ извѣстнаго числа ротъ, были распредѣлены по 8 знаменамъ, только Солоны по маньчжурскимъ, а Дахуры[1]) по монгольскимъ. Эти Солоны и Дахуры въ качествѣ знаменныхъ (па-ци́-ды 八旗的 или ци́-жень 旗人) получаютъ отъ правительства опредѣленное жалованье (обыкновенно рядовой — 24 ланы въ годъ), несутъ дѣйствительную службу и разсылаются наравнѣ съ прочими знаменными въ гарнизоны по городамъ.

Другая часть того и другого племени оставлена въ запасѣ, не получаетъ жалованья, но и не несетъ дѣйствительной службы[2]). Это и есть, такъ называемые, «Бутха» (бутхай-нялма) или Бутханы т. е. звѣропромышленники, охотники. Вся ихъ обязанность состоитъ въ представленіи ежегодно императору извѣстнаго количества соболей, кабановъ, фазановъ и т. п. Для этого они въ извѣстное время собираются на облавы подъ предводительствомъ «главноуправляющихъ» (цзунъ-гуань, ухэри-да). Эти Бутханы, хотя и живутъ отчасти въ домахъ китайскаго образца, но сохранили еще свои прежніе обычаи, свою одежду и живутъ исключительно охотою.

Къ Солонамъ китайскіе источники, равно какъ и всѣ обитатели сѣверной Маньчжуріи причисляютъ (судя по языку — вполнѣ основательно) бродячихъ (за немногими исключеніями) обитателей сѣверной части Хинганскаго хребта и прибрежій Амура — Ороньчоновъ[3]) («оленеводовъ» — маньчжурское названіе), иначе Цилиней (китайское названіе, по имени урочища, гдѣ происходилъ торгъ съ ними) или Манегировъ. Послѣднее слово (Манéгиръ), употребляемое теперь русскими, безъ сомнѣнія, есть названіе одного изъ родовъ этого племени. Сами представители послѣдняго называютъ себя безразлично: Ороньчо, Цилинь 旗林。麒麟林。齊凌, Манегиръ или Солонъ, какъ, по ихъ мнѣнію, будетъ понятнѣе собесѣднику. Въ недавнее время для привлеченія ихъ къ службѣ и осѣдлости былъ выстроенъ городъ Синъ-ань-чэнъ 興安城 («Хинганскій городъ»), но развалился отъ дѣйствія подпочвенныхъ водъ, и «главноуправляющій» живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, на 4-ой отъ Айгуна станціи (Калтархи-чжань 喀兒塔兒奚).

Что касается до названій «Солонъ» и «Дахуръ», то ихъ значеніе и происхожденіе толкуются въ китайской и европейской литературѣ различнымъ обра-

---

1) Нѣкоторые изъ нихъ достигали высшаго званія — ду-туновъ (корпусныхъ командировъ).

2) Въ случаѣ надобности изъ нея можетъ быть призвано на дѣйствительную службу извѣстное количество людей; тогда они съ момента призыва получаютъ знаменное жалованье.

3) Они образуютъ какъ бы сѣверную вѣтвь Солоновъ, которой еще почти нисколько не коснулась китайская цивилизація и которая какъ бы связываетъ Солоновъ Маньчжуріи съ сибирскими Тунгусами.

зомъ. При настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ по исторіи и древностямъ Маньчжуріи и прилегающихъ странъ, наиболѣе вѣроятными являются мнѣніе В. П. Васильева о связи имени Дахуръ съ названіемъ киданьскаго аймака Да-хо, и объясненіе слова Солонъ Л. И. Шренкомъ[1]) изъ тунгузскаго «соло-ней» (верхніе люди). Вопросъ о происхожденіи этихъ племенъ еще болѣе теменъ и еще болѣе различно трактуется. Китайскіе источники[2]) выводятъ Солоновъ изъ Камнихань (Забайкалья) и считаютъ потомками Киданей (Си-Ляо). Дахуры же по нимъ остатокъ китайскаго гарнизона, оставленнаго Танскимъ Тай-цзу (618 — 626) во время похода на Киданей (Ляо) для охоты на лисицъ (откуда и ихъ названіе Дахуръ-ли 打狐狸 «охотящіеся за лисицами»). Палладій[3]) считаетъ Дахуръ потомками монголо-китайскихъ гарнизоновъ, оставленныхъ здѣсь династіей Юань (1280—1367). Солоны же по его мнѣнію происходятъ или отъ Уряньха, или изъ Кореи (ц-во Синьло 新羅). Шренкъ считаетъ Дахуръ и Солоновъ тунгузскими племенами съ сильною примѣсью монгольскаго элемента.

Всѣ эти предположенія и изысканія, будучи основаны отчасти на показаніяхъ китайской исторіи (Палладій, Васильевъ), отчасти на антропо-этнографическихъ данныхъ (Шренкъ) являются болѣе или менѣе остроумными, болѣе или менѣе вѣроятными, но всѣ они имѣютъ одинъ общій недостатокъ: ни одинъ изслѣдователь не руководствовался лингвистическими данными. Объясняется это очень просто: до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно относительно этихъ языковъ, кромѣ нѣсколькихъ голословныхъ показаній китайскихъ источниковъ[4]). Все, что было извѣстно, это нѣсколько словъ, записанныхъ лицами, проѣзжавшими здѣсь (Крапоткинъ и др.), въ общей сложности—десятка два, три. Правда, въ «Сборникѣ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью»[5]), въ томѣ IV-омъ («Инородческое населеніе Пріамурскаго края»), въ приложеніи къ статьѣ подполковника Назарова приведено 91 дахурское слово, но въ очень невѣрномъ и искаженномъ видѣ, напр. сагала — губы (вм. сахала, саhала — борода, усы); очоръ вм. кочоро, кучур; гилязу вм. шилазу, дчева вм. чживи, и т. д.[6]).

Поэтому то я въ началѣ своего пребыванія въ Маньчжуріи, именно во время двухъ поѣздокъ: въ Мэргэнь (20 авг. — 6 сент. 1890 г.) и въ Цицикаръ (11 октя-

1) «Объ инородцахъ Амурскаго края», т. I (СПБ. 1883), стр. 141 — 141.

2) Хэй-лунъ-цзянъ-цзи-ши, цз. 3; Чу-сай-лу 出塞錄, 2-ая часть, л. 5 и д.

3) «Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска, черезъ Маньчжурію, въ 1870 г.» (Зап. И. Р. Г. Об., по общ. геогр., т. IV), стр. 443 — 444.

4) Между тѣмъ относительно сибирскихъ Тунгусовъ собранъ уже довольно значительный матеріалъ. Назову только: Маакъ «Путешествіе на Амуръ», Castrén «Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre» и Schiefner «A. Czekanowski's tungusisches Wörterverzeichniss» (Mél. As. t. VIII, 335 — 416).

5) Издавался въ Иркутскѣ въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступалъ.

6) Такъ же исковерканы и китайскія слова, напр. кэндчи вмѣсто я́нь-цзинъ глаза, губы хооза вм. хý-цза борода.

бря — 16 ноября того же года) поставилъ себѣ цѣлью собрать, по возможности, большій матеріалъ по этимъ языкамъ. Къ этому меня побуждало еще и то, что съ дахурскимъ языкомъ я уже познакомился, живя въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ниже Айгуна около дахурской деревни Доньчифа.

Я надѣюсь, что, хотя по краткости времени и особенно по новизнѣ предмета, въ связи съ другими спеціальными задачами[1]), я могъ собирать только матеріалъ главнымъ образомъ лексическій, въ видѣ отдѣльныхъ словъ, но и этотъ матеріалъ по своей исключительной новизнѣ, давая первые образчики солонскаго и дахурскаго языковъ, даже въ сыромъ видѣ не будетъ безполезенъ. Лица, спеціально посвятившіе себя сравнительному изученію тунгузскихъ языковъ, могутъ воспользоваться имъ и онъ, будучи приведенъ ими въ надлежащій видъ, послужитъ для достиженія той цѣли, къ которой я стремился — выяснить лингвистическимъ путемъ вопросъ о происхожденіи Солоновъ и Дахуръ.

Записывалъ я собираемые матеріалы въ своемъ дневникѣ прямо русскими буквами, отмѣчая тутъ же всѣ особенности произношенія, которыя не передавались буквами русскаго алфавита. Уже здѣсь въ Петербургѣ эти матеріалы были мною переписаны на основаніи «Русской лингвистической азбуки», при чемъ для возстановленія оттѣнковъ произношенія, я, кромѣ своей памяти, пользовался еще вышеупомянутыми помѣтками. При этой перепискѣ я не позволялъ себѣ исправлять своихъ черновыхъ записей, хотя бы и являлись сомнѣнія, поэтому и оставилъ напр. ц, нг и цг.

Къ дахурскому языку я имѣлъ довольно времени прислушаться (какъ уже сказано выше) еще во время пребыванія на Амурѣ, въ окрестностяхъ Айгуна, звуки же солонскаго языка мнѣ стали, конечно, болѣе ясны и внятны во вторую поѣздку (въ Цицикаръ), но въ эту поѣздку и были собраны мною главные матеріалы, а въ первую поѣздку я только записалъ солонскія слова отъ Манёгировъ Ноноха́ня (S [10]) и Бэйѣ (S [11]).

Относительно метода спрашиванія скажу, что для избѣжанія вліянія маньчжурскаго языка (а для солонскаго — и дахурскаго) я спрашивалъ обыкновенно самъ по китайски[2]), указывая по возможности то, о чемъ спрашивалъ; къ маньчжурскому языку прибѣгалъ только для записыванія грамматическихъ формъ[3]), да еще при записываніи дахурскихъ отрывковъ. Въ послѣднемъ случаѣ и нельзя было по-

---

1) Во время моего пребыванія въ этихъ мѣстахъ, главными предметами моего изученія служили мѣстныя нарѣчія китайскаго языка и въ особенности маньчжурскій языкъ, который нѣкоторые уже считали мертвымъ языкомъ, а между тѣмъ, оказалось, на немъ еще говорятъ и пишетъ значительная часть населенія Сѣверной Маньчжуріи.

2) Исключенія указаны ниже при перечисленіи лицъ, сообщившихъ матеріалы.

3) Поэтому то при грамматическихъ формахъ мною ниже и приведены соотвѣтствующія маньчжурскія, въ отвѣтъ на которыя мнѣ и были сказаны данныя солонскія или дахурскія формы. Замѣчу кстати, что, по незначительности объема, эти грамматическія формы не соединены мною въ одно цѣлое, а просто приведены въ спискахъ словъ.

ступить иначе: Дахуры всегда пишутъ по маньчжурски, я первый сдѣлалъ попытку писать по дахурски маньчжурскими буквами и взявшійся за это дахуръ Доцинь зналъ только по маньчжурски.

Перейду теперь къ лицамъ, сообщившимъ мнѣ предлагаемый лингвистическій матеріалъ. Относительно времени занятія съ перечисляемыми лицами, замѣчу, что, гдѣ не указано времени, значитъ, означенное лицо я имѣлъ подъ руками всего одинъ или два раза.

А. Ρ. Ивановскій.

MANDJURICA.

I.

ОБРАЗЦЫ СОЛОНСКАГО И ДАХУРСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1894.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерсъ и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 80 к.

The Russian edition of St. Petersburg (1894)
reprinted by the Research Group for Altaic
Studies of the Hungarian Academy of Sciences
with a foreword in English by G. Kara

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST 1982

ISBN 963 05 3261 1 (series)
ISBN 963 05 3262 X (vol.)